

УДК 94(438).071

Д. А. Коско

**ОБРАЗ РОССИИ И РУССКИХ В ТВОРЧЕСТВЕ
ЮЗЕФА КРАШЕВСКОГО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1860-х ГОДОВ**

34

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
Национальный исследовательский университет ИТМО,
Санкт-Петербург, Россия
Поступила в редакцию 01.03.2025 г.
Принята к публикации 31.03.2025 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-4

Для цитирования: Коско Д. А. Образ России и русских в творчестве Юзефа Крашевского второй половины 1860-х годов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1. С. 34–42. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-4.

Проанализирован образ России и русских в творчестве польского писателя Юзефа Крашевского в период после подавления Январского восстания – во второй половине 1860-х гг. Показано, какое отражение в произведениях Крашевского получили события 1863–1864 гг., репрессивные меры царских властей после подавления восстания и политика русификации в Царстве Польском. Особое внимание уделено различным типам русских персонажей в романах писателя. Несмотря на преобладание негативных образов русских военных и представителей власти, в творчестве Крашевского встречаются и положительные характеристики простых русских людей, которым свойственна обычная человечность.

Ключевые слова: Январское восстание, русификация, художественная литература, польское освободительное движение, царизм

Январское восстание 1863–1864 гг. стало импульсом, подтолкнувшим польских писателей обратиться в своем творчестве к теме национального освободительного движения. Этому были посвящены произведения Болеслава Пруса, Элизы Ожешко, Михаила Балуцкого, Владислава Сабовского, Юзефа Нажимского и других писателей, многие из которых в прошлом лично участвовали в польском освободительном движении. Как следствие, восстание оказало значимое влияние на формирование образов русского человека и Российской империи в польском общественном мнении, поскольку стало символом борьбы поляков за независимость и сохранение национального самосознания. Еще одной причиной изменений в общественном мнении были меры с польским освободи-

тельным движением, предпринятые царскими властями во время и после восстания. Они включали в себя публичные казни, ссылки, репрессии и общее усиление политики русификации в Царстве Польском.

Чаще многих других современников Январского восстания к образам Российской империи и русского общества в своих произведениях обращался польский писатель, публицист и издатель Юзеф Игнаций Крашевский (1812—1887). Во второй половине 1860-х гг. писатель во многом посвятил свое творчество только что отгремевшему восстанию 1863 г., предшествовавшим ему событиям, а также состоянию польской эмиграции после его подавления. Именно в этот период он написал несколько романов: «Дитя Старого Города» (1863), «Шпион» (1864), «Красная пара» (1865), «Москаль» (1865), «Мы и они» (1865), «Еврей» (1866), «На востоке» (1866), «Странники» (1868), «Гибриды» (1869), «Дедушка» (1869).

Целью настоящей статьи является определение образов России и русских в творчестве Юзефа Крашевского второй половины 1860-х гг. Выбор периода обусловлен тем обстоятельством, что подавление Январского восстания стало переломным событием в русско-польских отношениях, послужившим катализатором значительной трансформации образа России в польском общественном мнении. Художественная литература выступала важным источником формирования этого образа, она подталкивала читателя к размышлениям о политической ситуации в стране и тем самым способствовала коллективному осмыслению событий 1863—1864 гг. Особое место в то время занимали произведения Крашевского, которые пользовались особой популярностью и издавались в большом количестве, так за время своей литературной карьеры он написал более 230 романов, затрагивавших различные темы польской жизни в прошлом и настоящем [15].

В польской историографии образы России и русских в творчестве Крашевского кратко освещали Я. Мачеевский и М. Понксиньский, анализирувавшие образ России в польской общественной мысли и культуре второй половины XIX в. [2; 3]. А. Кежунь, характеризуя образ Январского восстания в польской художественной литературе, коснулась также творчества Крашевского [8, s. 2—6]. В российской историографии к творчеству Юзефа Крашевского обращались Е. З. Цыбенко и В. А. Хорев в статьях, посвященных русской теме в польской художественной литературе [4—6]. Эти исследователи сделали много важных наблюдений по поводу воззрений Крашевского, но не предпринимали попыток реконструировать образ России в произведениях этого автора, которые увидели свет в течение важнейшего для него десятилетия — в 1860-х гг. Их работы были более широкими по проблематике и не фокусировались на конкретном периоде творчества польского писателя.

У Юзефа Крашевского с раннего возраста складывались сложные отношения с царскими властями, ведь он с семнадцати лет принимал активное участие в национальном освободительном движении и всячески одобрял стремление польского народа к независимости. Так, во время Ноябрьского восстания (1830—1831) он состоял в обществе мнезеров, которое помогало восставшим с заготовкой оружия, распространяло ан-

типравительственные стихи и участвовало в подготовке покушения на опекуна Виленского университета Николая Новосильцева. Заговор был раскрыт, а Крашевский провел год в виленской тюрьме [7, s. 121].

После подавления Ноябрьского восстания Крашевский, ранее поддерживавший всеми способами польское освободительное движение, изменил свое отношение к нему. С одной стороны, он относился к польским патриотам и их стремлению к независимости с сочувствием, а с другой — понимал бесперспективность вооруженных методов борьбы за независимость Польши. Так, в 1861 г. (уже живя в Париже и имея возможность открыто высказывать свое мнение по всем болезненным для польского народа вопросам) он опубликовал брошюру «Польский вопрос», в которой призвал к примирению враждующие народы: «Применим силу всеобщей любви и достигнем того, чего насилие и общая сила никогда не смогут. Чужих сделаем братьями, врагов — друзьями, а мучителей — союзниками, только тогда Польша сможет восстать из мертвых» [13].

С началом Январского восстания взгляды Крашевского в отношении польского освободительного движения и Российской империи претерпели изменения. Писатель, который и без того относился с пониманием к повстанцам и выступал с критикой имперской политики в Царстве Польском, стал проявлять еще большую политическую активность, выражавшуюся в активной поддержке польских повстанцев и в критике царизма. Крашевский переехал в Дрезден, где стал главой дипломатической миссии польского Временного национального правительства, там же он начал помогать бывшим участникам освободительного движения, искавшим убежища за границей.

Причиной таких изменений в воззрениях Крашевского была прежде всего личная трагедия автора. В Январском восстании приняли участие члены семьи Юзефа — брат и зять, оба были сосланы в Сибирь, вслед за мужем в ссылку вместе с детьми отправилась и дочь писателя Констанция [1, с. 104].

«Русская тема» в произведениях Крашевского зачастую раскрывалась через образы военных, участвовавших в подавлении польского освободительного движения. И, что закономерно, они нередко изображались в негативном свете — как душители национально-освободительной борьбы, «палачи» и «кровопийцы», для которых «единственным универсальным средством всегда был штык» [10, s. 134].

Русские генералы в произведениях писателя тяготеют к массовым убийствам и мародерству. Так, в романе «Шпион» Крашевский дает описание разным типам русских генералов: «Они относятся к числу хищных зверей, хотя одни из них и кажутся спокойными, другие же сознательно хотят казаться дикими» [14, s. 202].

В отдельный тип автор выделяет военных, которые отличаются образованностью и, в частности, владеют французским языком. Они стараются выглядеть либералами, но, несмотря на это, представители этого типа готовы пойти на любое предательство ради «звезды на погонах», они «из тех палачей, которых правительство использовало для кровавых услуг... равнодушные ко всему». По мнению писателя, они могут лишь «слизывать гниль цивилизации», игнорируя все ее блага: «Из одних

[и тех же] материалов пчелы вырабатывают мед, а змеи — яды». Образованных офицеров писатель описывает как зверей, которые, лишь находясь за границей, стараются выглядеть людьми [Ibid., s. 199].

Впрочем, писатель с большей симпатией относится к генералам, выросшим с нижних чинов и живущим просто на жалованье: «Есть сердце в груди, и они неплохие люди, насколько им позволяет царь. Из всех видов этот еще можно превознести над другими» [Ibid., s. 197].

Отдельно стоит отметить, что худшими из русских генералов автор считает немцев по происхождению. Это во многом обусловлено тем фактом, что часть польских земель входила на тот момент в состав Пруссии, где проводилась жесткая политика германизации. Следовательно, подобные персонажи представляли собой собирательный образ представителя двух стран — угнетателей польского народа: «Прошу показать мне одного человека — немца на российской службе. <...> Немец по рождению готов с немецкой систематичностью резать, убивать и жечь во имя философии истории» [Ibid.].

В «Москале» писатель создает образ русских военных как кровожадных варваров. Так, в разграбленной во время подавления восстания польской усадьбе герои видят разорванные русскими военными портреты, разбитое распятие, порванные книги и обезумевшую от потрясений, избитую и изнасилованную польку. Саму усадьбу, оставленную после погрома, Крашевский сравнивает с римскими виллами во времена набегов галлов или гуннов [9, s. 12]. К этой же мысли писатель обращается в романе «Красная пара»: «Ты не знаешь русских, они с безоружными больше всего любят бороться! Разве уважают молодость? Или смиляются над слабостью? Есть ли для них что святое?» [11, s. 8].

С целью подчеркнуть безнравственность и жестокую натуру русских военных Крашевский нередко рисует эпизоды осквернения русскими католической веры и традиций польского народа: «...русские напали на нее перед замком, разбивали кресты, разбивали образы, разогнали похоронную процессию» [Ibid., s. 15].

Подобное изображение русских военных в польской литературе второй половины 1860-х гг. не вызывает удивления, ведь именно их руками и осуществлялось подавление Январского восстания, особенно эффективно и жестоко под руководством Михаила Николаевича Муравьева, прозванного в либеральных кругах «вешателем».

Несмотря на то что в произведениях Крашевского рисуются преимущественно негативные образы русских военных, в творчестве автора встречаются и обратные примеры их нейтрального или даже положительного изображения. Так, в романе «Мы и они» представлен умеренно-положительный образ генерала Живцева, который описывается человеческим, мягким и чувствительным: «Это был москаль, но его лучший тип. <...> У него был не очень сильный характер, ибо деспотизм его никому не позволяет иметь, в нем было много сердца, которое чудом сохранилось» [10, s. 36–37]. В романе «Москаль» тоже можно встретить положительный образ русского офицера — Александра Петровича Наумова, который характеризуется как честный и добрый человек: «Было в нем что-то простодушное и поэтическое. Ум его был готов принять всякую красоту» [9, s. 135]. Наличие наделенных положительными чертами рус-

ских персонажей в творчестве Крашевского показывает, что, несмотря на усложнившиеся русско-польские отношения и негативные для поляков последствия Январского восстания, автор продолжал стремиться к более глубокому и разностороннему анализу образа России в своих работах.

Не только военные показаны Крашевским в негативном свете, но нередко такими изображаются и другие представители русского общества: «Московия, хотя и верующая, сохранила старый татарский обычай и звериную безжалостность» [11, s. 131]. В творчестве Крашевского негативные черты представителей русского общества обусловлены в первую очередь имперской политикой России и царским деспотизмом: «В русских прослеживались черты, сформированные московской неволей, результатом которой было унижение человеческого достоинства; когда приходилось быть деспотом по отношению к нижестоящим и пресмыкающимся перед властью... Все это клеймо московских кандалов» [10, s. 37].

Для многих произведений Крашевского о Январском восстании характерна мысль о вражде между двумя народами без какого-либо намека на взаимопонимание. Так, пан Генрик Грос в романе «Красная пара» говорит: «Обмануть его трудно, внушить ему уважение почти невозможно, сделать его искренним и честным не думай. Москаль есть и будет еще долго простым скотом» [11, s. 18]. А в романе «Мы и они» один из героев, старый шляхтич Еремий (в более мягкой форме), с сожалением отмечает, что не знает ни одного русского человека, способного понять поляка, и, наоборот, ни одного поляка, способного понять русского [10, s. 32].

Примечательно, что чем дальше представитель русского общества находится от власти, тем более положительными чертами он наделяется автором. Так, в романе «Мы и они» русский купец Прокоп Васильевич (в прошлом крепостной) помогает Марии, приехавшей в столицу искать помощи своему возлюбленному Юлиушу, которого ждет ссылка. Помимо Прокопа Васильевича, в небольшом городе под Вологдой героям оказывает помощь врач Сахаров. Да и жители русского городка в целом сочувственно относятся к ссыльным возлюбленным [Ibid., s. 134].

Отдельного упоминания удостоились в романах Крашевского представители русско-польских семей или же поляки, с самого детства воспитанные в русской армии. Так один из персонажей «Москаля» — Станислав Наумов, сын русского офицера и польки, несмотря на воспитание в русской армии, во время Январского восстания выступил на стороне польского освободительного движения. Его образ олицетворяет собой не критику русского общества, а инвективу в адрес царского деспотизма: «Мой отец был русский, моя мать — полька, если бы мой отец в приступе безумия убивал людей и совершал преступления, я бы пошел против своего отца. Если бы я был русским и по отцу, и по матери, я бы имел право и обязанность встать в ряды защитников свободы. Как русский я выступил сейчас не против своего народа, но против деспотизма, который угнетает и нас, и их» [9, s. 24].

В романе «Красная пара» поляк Томашек Чуприна точно так же вынужден против своей воли проходить службу в русской армии и долгое время не может попасть на родную землю, поскольку стал «мучеником московской тирании» [11, s. 17]. Вернувшись в Варшаву, герой вновь

ощущает себя поляком — служба в русской армии истощила его, изменив до неузнаваемости: «А! Вы меня не узнали, панночка, но это правда, много лет, как меня русским сделали!» [Ibid.].

В своем творчестве Крашевский выступает с яростной критикой российской пропаганды, трактуя ее как рупор царской власти, которая представляет поляков «неисправимым народом революционеров, не ведающим, чего хочет, всем неудовлетворенным, а русских — защитниками законного порядка» [Ibid., s. 15].

Характеризуя политику Российской империи в Царстве Польском, писатель обращает внимание на цензуру, которая царила во всех образовательных учреждениях, на фальсификацию польской истории в них и на верноподданническое поведение многих учителей. Однако, по мнению Крашевского, несмотря на все эти явления, польская молодежь «чудесным образом сохранила национальный дух» [Ibid., s. 12].

Примечательно, что в романе «Красная пара», упоминая Александра I и Николая I, Юзеф Крашевский характеризует первого как более опасного для поляков: «Александр имел в себе хитрость грека, Николай — дикость монгола, из двух первая была для нас наиболее опасная. Кто знает наш народный характер, испугается скорее мнимой сладости, чем искреннего и жестокого преследования поляков» [Ibid., s. 3]. Оценивая личность Александра I, Крашевский имеет в виду полонофильские взгляды императора и дарованную им Царству Польскому конституцию 1815 г., которая в действительности не приносила реальных свобод польскому народу и носила скорее номинальный характер. Описывая Николая I, Крашевский сравнивает его с царем Иродом, издевающимся над детьми и ищущим злой умысел «в смелых взглядах невинности» [Ibid., s. 5].

После подавления Январского восстания Российская империя в произведениях Юзефа Крашевского с неизбежностью представлялась как оплот тирании и угнетения: «Российское правительство душило несчастную Польшу, пользуясь беспорядком, беспокойством и бессилием Европы» [Ibid., s. 3]. Вместе с тем более сложное изображение России проступает через образы представителей русского общества. Так, в романах писателя даже среди военных встречаются личности, наделенные положительными чертами, а ответственность за неверные поступки героев писатель зачастую возлагает на русскую пропаганду и на имперскую политику России в отношении не только польского народа, но и всего населения собственной страны: «Ни русские, стоящие на страже этого искусственного мира, ни поляки не имели уверенности в завтрашнем дне» [14, s. 39]. По мнению Крашевского (которое отразилось в романе «Москаль»), русским было трудно мысленно возвращаться к временам, «когда мечтали еще о свободе, пока величие монархии не опьянило их и не создало идолов — посмешище веков» [9, s. 14].

Примечательно, что взгляды Крашевского с годами смягчились не только в отношении далеких от правительственных кругов представителей русского общества, но и по отношению к царскому правительству, что было во многом связано с усилившейся политикой германизации на польских землях, входивших в состав Пруссии. Так, в статье «Польская программа 1872 г. Мысли о национальной задаче» автор неожиданно ха-

рактеризует польские восстания как самоубийственные порывы слабой Польши против сильных империй, которые привели ее к истощению и ослаблению. Говоря же о русификаторской политике царских властей, Крашевский называет ее временным, неумелым и несостоятельным явлением, в разы менее опасным для поляков, чем гибельная и эффективная политика германизации [12, s. 7].

Таким образом, события Ноябрьского и Январского восстаний и их последствия в виде публичных казней, ссылок, репрессий и усиления политики русификации в Царстве Польском не могли оставить в стороне многих считавших себя патриотами представителей польской интеллектуальной элиты, в том числе и Юзефа Крашевского, на которого перечисленные выше события оказали непосредственное влияние. Вне всяких сомнений, восстания (в особенности Январское) оставили важный след в творчестве писателя, спровоцировав написание цикла посвященных событиям 1863—1864 гг. произведений, в которых немалое внимание уделялось и представителям русского общества. Юзеф Крашевский большую часть своей жизни провел в Варшаве и имел опыт взаимодействия со всеми слоями русского общества — как с русскими военными, так и с представителями литературной и интеллектуальной элиты, и этот личный опыт взаимоотношений способствовал формированию более объемных, сложных и противоречивых образов. Третьим немаловажным фактором, способствовавшим трансформации образа России и русских в работах Крашевского послужила усилившаяся в 1870-е гг. политика германизации на польских землях, входивших в состав Пруссии, что способствовало росту примирительных настроений в отношении России и ее населения у многих польских патриотов, в том числе и у Крашевского. Под влиянием вышеперечисленных факторов «русский образ» в творчестве Юзефа Крашевского складывался как сложный, разнообразный и многослойный.

Список литературы

1. *Денисевич А. Н., Денисевич А. А.* Ю. И. Крашевский. Этнография. Графика. Живопись. Брест, 2012.
2. *Мачеевский Я.* Стереотип России и русских в польской литературе и общественном сознании // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М., 2000. С. 6—22.
3. *Понксинский М.* Русские и Россия в польской культуре конца XIX — начала XX вв. // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М., 2000. С. 93—107.
4. *Хорев В. А.* Россия и русская литература в польском сознании // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / отв. ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина, М., 2014. С. 69—83.
5. *Хорев В. А.* Имагология и изучение русско-польских литературных связей // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В. А. Хорев. М., 2000. С. 22—31.
6. *Цыбенко Е. З.* Образы русских в польской литературе второй половины XIX век // Россия — Польша образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 225—240.

7. Danek W. Józef Ignacy Kraszewski: Zarys biograficzny. Warszawa, 1976.
8. Kiezuń A. Powstanie styczniowe w powieści i cyklu opowiadań. Kilka obserwacji. Białystok, 2004.
9. Kraszewski J. Moskal. Łomża, 1938.
10. Kraszewski J. My i Oni. Poznań, 1865.
11. Kraszewski J. Para czerwona: obrazek współczesny narysowany z natury. Lipsk, 1865. T. 1.
12. Kraszewski J. Program Polski z 1872 r. Myśli o zadaniu narodowym. Poznań, 1872.
13. Kraszewski J. Sprawa polska w roku 1861: list z kraju (listopad 1861). URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/edition/283485/content> (дата обращения: 13.12.2023).
14. Kraszewski J. Szpieg. Poznań, 1864.
15. Pawlik M. Katalog księgozbioru, rękopisów, dyplomów, rycin, map, atlasów, fotografii, jakoteż osobistych dyplomów, adresów itp. pozostałych po śp. Józefie Ignacym Kraszewskim staraniem Franciszka Kraszewskiego = Catalogue de la bibliothèque, des manuscrits, des diplomes, des estampes etc. de J.I. Kraszewski uporządkował i spisał Michał Pawlik. Lwów, 1888.

Об авторе

Данила Александрович Коско — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; менеджер офиса поддержки сотрудников, Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: dkoskoo@gmail.com

D. A. Kosko

THE IMAGE OF RUSSIA AND RUSSIANS IN THE WORKS OF JÓZEF KRASZEWSKI IN THE LATE 1860s

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
ITMO University, Saint Petersburg, Russia

Received 01 March 2025

Accepted 31 March 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-4

To cite this article: Kosko D. A., 2025, The image of Russia and Russians in the works of Józef Kraszewski in the late 1860s, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 34—42. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-1-4.

The article examines the image of Russia and Russians in the works of the Polish writer Józef Ignacy Kraszewski during the period following the suppression of the January Uprising, specifically in the second half of the 1860s. It explores how the events of 1863–1864, the repressive measures of the Tsarist authorities after the uprising, and the policy of Russification in the Kingdom of Poland were reflected in Kraszewski's literary works. Special attention is

given to the various types of Russian characters depicted in the author's novels. Despite the predominance of negative portrayals of Russian military personnel and government officials, Kraszewski's writings also contain positive depictions of ordinary Russian people, characterized by their basic humanity.

Keywords: January Uprising, Russification, fiction, Polish liberation movement, tsarism

The author

Danila A. Kosko, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, manager, ITMO University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: dkoskoo@gmail.com